

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Гончарова В.А. — Проблемы определения субъектов права на оспаривание сделки // Право и политика. – 2019. – № 7. – С. 43 - 57. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.7.30254 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30254

Проблемы определения субъектов права на оспаривание сделки

Гончарова Валерия Андреевна

аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета

634050, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Ленина, 36

✉ valeria.goncharova.93@bk.ru

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

Аннотация.

предметом настоящей статьи являются гражданско-правовые отношения, связанные с оспариванием сделок определенными законом лицами (сторонами, иными и третьими лицам). В настоящее время по смыслу действующего гражданского законодательства правом на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности наделяются стороны такой сделки, иные лица. Кроме того, в определенных случаях сделка может быть оспорена в интересах третьих лиц специально уполномоченными на то субъектами. В литературе отсутствуют комплексные исследования указанных лиц, что обуславливает актуальность их рассмотрения. Основным методом исследования является формально-юридический метод, предполагающий всесторонний анализ нормативно-правового материала по предмету исследования. Результатом работы выступает сформированное целостное представление о лицах, управомоченных законом на оспаривание сделки по смыслу ст.166 ГК РФ. Сделанные в статье выводы могут быть использованы при проведении дальнейших исследований в области недействительных сделок. Представленная статья является первым комплексным анализом сторон недействительной сделки, иных и третьих лиц, что и обуславливает научную новизну сформулированных в ней выводы.

Ключевые слова: недействительная сделка, признание сделки недействительной, последствия недействительности сделки, участники недействительной сделки, стороны сделки, иные лица, третьи лица, перемена лиц, наследование, сингулярное правопреемство

DOI:

10.7256/2454-0706.2019.7.30254

Дата направления в редакцию:

10-07-2019

Дата рецензирования:

12-07-2019

Дата публикации:

16-07-2019

Согласно п.2 ст.166 ГК РФ требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено стороной сделки или иным лицом, указанным в законе. Требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо.

В цивилистике понятию сторон не уделяется достаточного внимания. Вместе с тем, анализ действующего гражданского законодательства, а также используемых в ГК РФ лексических оборотов, связанных с термином «стороны» (ст.ст.2, 157, 308, 430, 450 ГК РФ), свидетельствует об особом положении данных субъектов соответствующих правоотношений. Данное обстоятельство связано с тем, в качестве сторон следует рассматривать лишь тех лиц, благодаря действиям которых возникло правоотношение и которые приобрели в нем права и юридические обязанности. Интерес именно этих субъектов, таким образом, является предпосылкой развития конкретного гражданского правоотношения, «целью права» [\[1, с.20\]](#).

Участие в возникновении и прекращении правоотношения предопределяет персонифицированность сторон. Как справедливо отмечается в литературе, стороны «настолько конкретны, насколько вообще может быть конкретизировано обязательство за счет тех прав и обязанностей, которые характеризуют участников соответствующего правоотношения. Именно поэтому доктрина гражданского права по критерию межсубъектных связей относит обязательство к относительным правоотношениям» [\[2, с. 12-13\]](#). Персонифицированность сторон на момент совершения сделки и их интерес в ее возникновении отличает сторон от иных и третьих по отношению к сделке лиц.

Выступая сторонами недействительной сделки, субъекты гражданского права имеют права и несут обязанности, порожденные такой сделкой, непосредственно претерпевают нарушение такой сделкой их прав и охраняемых законом интересов. Это обуславливает необходимость их первоочередного наделения средствами устранения последствий такой сделки, иными словами – необходимость защиты их прав и охраняемых законом интересов. С учетом изложенного в качестве стороны недействительной сделки можно рассматривать и третье лицо, в пользу которого заключен договор с того момента, когда он приобрел право требования исполнения по договору (ст.430 ГК РФ).

Таким образом, сторон недействительной сделки следует определить как непосредственных участников правоотношения по защите их прав и охраняемых законом интересов, наделенных правом на защиту посредством максимально полного, в сравнении с иными участниками недействительной сделки, набора способов защиты, а также претерпевающих все материальные последствия при изменении юридической судьбы сделки. Подобный их статус объясняется самим совершением ими недействительной сделки, непосредственным участием в ее исполнении.

Условием недействительности сделки по требованию ее сторон является

добросовестность их поведения (абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166 ГК РФ, абз. 2 п.1 ст. 167 ГК РФ). Данные правовые нормы представляют собой один из результатов реформирования гражданского законодательства. Необходимость введения в §2 гл.9 ГК РФ специальных правил о добросовестности отмечалась в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ (пп. 1.11 и 1.12), а также в Концепции развития гражданского законодательства (пп. 5.1.4).

Научный и практический интерес представляет вопрос о возможности уступки прав стороной как субъектом права на защиту в реституционном обязательстве. Анализ отечественной литературы, посвященной вопросам перемены лиц в обязательстве, свидетельствует о наличии общей тенденции к признанию возможности уступки прав требования в реституционных обязательствах [\[3-5\]](#).

Подход, предполагающий оборотоспособность прав из охранительных правоотношений, встречается и в актах судебной практики [\[6\]](#). Вместе с тем, ответ на вопрос о возможности перемены лиц в реституционных правоотношениях не может быть дан исключительно на основе их обязательственной природы. Представляется, что применение реституции преследует цель защиты как публичного порядка, так и имущественных сфер частных лиц. Указанные цели реституции при этом достижимы лишь тогда, когда возврат имущества осуществляется только теми лицами, кто его неосновательно получил, и только в пользу тех лиц, кто его неосновательно лишился. Это объясняется тем, что лишь в этом случае дестабилизирующие оборот последствия недействительной сделки будут нивелированы для всех участников недействительной сделки. Не вызывает сомнений, что подход судебной практики преследует цель создания для потерпевших гарантии возврата их имущества даже за счет иных, не обязанных, лиц. Вместе с тем, подобный механизм, реализованный на практике, несовершенен даже с точки зрения формальной логики, поскольку не разрешает вопрос, связанный с принадлежностью полученного цессионарием имущества. Перевод долга в реституционном обязательстве порождает аналогичную проблему, когда лицо, не участвовавшее в неосновательной передаче имущества, обязывается к возвращению того, чем не располагает по определению – денежной суммой, полученной первым должником по недействительной сделке, или, что сложнее, – индивидуально-определенным имуществом, подлежащим возврату по реституции.

С учетом изложенного, представляется, что сфера применения норм о перемене лиц в реституционных обязательствах должна ограничиваться случаями перемены лиц преимущественно по недоговорным основаниям (переход права требования по закону, наследование долга и т.д.).

Дискуссионным в литературе является вопрос и о возможности уступки права стороны на оспаривание сделки. Сформированное в отечественной науке гражданского права учение о правопреемстве [\[7, с. 6\]](#) позволяет выделить три актуальные проблемы права на оспаривание сделки при перемене лиц в обязательстве при универсальном (в частности, при наследовании) и сингулярном правопреемстве.

Традиционно в науке гражданского права поднаследованием понимается переход имущества умершего к другим лицам в порядке универсального правопреемства, т.е. в неизменном виде, как единое целое и в один и тот же момент, если из правил ГК РФ не следует иное (п.1 ст.1110 ГК РФ) [\[8, с. 640\]](#). Понимание недействительной сделки как вносящей неопределенность в имущественную сферу участников недействительной сделки позволяет сделать вывод о том, что наследник как универсальный

правопреемник наследодателя, приобретает право на оспаривание всех совершенных наследодателем сделок [\[9-10\]](#).

Данный вывод иногда подвергается критике в юридической литературе. Так, по мнению В.А. Белова, «способность наследодателя к оспариванию совершенной им сделки никак не может поменять своего обладателя. В силу закона она принадлежит только ему и никому другому» [\[11\]](#). В качестве аргумента указывается на отсутствие связи между наследником и порочным фактом, повлекшим наступление недействительности. Думается, однако, что вместе с правом на оспаривание сделки, а также на признание ее ничтожной, к наследнику как заинтересованному лицу переходит и право на применение последствий недействительности сделки. Последнее положение объясняется необходимостью полной нейтрализации совершенной наследодателем порочной сделки и возвращения в наследственную массу имущества, переданного по ней. Интерес наследника как новой стороны недействительной сделки в рассматриваемом случае очевиден.

Единого решения в литературе не получил вопрос об оборотоспособности права на оспаривание сделки и, как следствие, возможности его самостоятельного отчуждения. Так, по мнению А.А. Ягельницкого, право на оспаривание сделки может быть уступлено в качестве самостоятельного объекта гражданских прав – имущественного права [\[12, С. 197\]](#). Представляется, однако, что указанным автором не учитывается, что совершение и (или) исполнение недействительной сделки связаны, по смыслу действующего гражданского законодательства и программных документов его реформы, с необходимостью защиты участников такой сделки. Как следует из толкования ст.166 ГК РФ, условием недействительности сделки является нарушение ею их прав и охраняемых законом интересов. Данное условие было введено в гражданский закон в качестве ограничения бесконтрольного оспаривания сделок, сокращения круга лиц, уполномоченных воздействовать на юридическую судьбу сделки путем заявления соответствующих требований.

Сомнения вызывает и произведенная А.А. Ягельницким квалификация права на оспаривание сделки как имущественного права в смысле ст.128 ГК РФ. Право на оспаривание, в отличие от имущественного права как объекта гражданских прав, обращено не к контрагенту обладателя такого права, а к суду. У права на оспаривание, кроме того, нет никакой имущественной ценности, оно не существует автономно от его обладателя и преследует единственную цель – защиту гражданских прав и охраняемых законом интересов его владельца.

Ситуация осложняется, однако, если в договорном обязательстве была совершена уступка прав требования или перевод долга. В указанных обстоятельствах при обнаружении в сделке оснований ее недействительности, руководствуясь положениями ст.166 ГК РФ, затруднительно определить, кто – цессионарий или цедент, прежний или новый должник – является носителем права на оспаривание.

Отвечая на этот поставленный в доктрине гражданского права вопрос, Л.А. Новоселова пишет, что «поскольку оспаривание сделки затрагивает структуру обязательственного отношения в целом, а не только конкретное право требования, принадлежащее кредитору, следует признать, что новому кредитору право требования не переходит. Сказанное в равной степени распространяется на случаи оспаривания оспоримых сделок и требований о признании сделок ничтожными» [\[13\]](#). При этом указанный автор обращает внимание на то, что «для цессионария безразлична судьба уступленного ему

требования. Цедент, самостоятельно и без учета мнения нового кредитора реализуя свое право на оспаривание сделки, служащей основанием для уступленного права требования, затрагивает интересы цессионария. Реализация им такого права без согласия цессионария может являться нарушением цедентом обязательства «гарантировать действительность уступленного права» [\[13\]](#). В качестве предложения по совершенствованию законодательства, направленного на разрешение приведенной проблемы, Л.А. Новоселовой предлагается воспринять имеющуюся в германском праве конструкцию, предполагающую, что право на оспаривание сделки цедент может реализовать только с согласия цессионария.

Свое предложение решения обозначенной трудности предлагает и А.В. Вошатко, по мнению которого «к цессионарию в силу ст.384 ГК РФ переходят лишь те права, которые связаны с кредиторством цедента по уступленному требованию... Напротив, права, принадлежащие цеденту как стороне договора, из которого возникло уступаемое требование, действием ст.384 ГК РФ не охватываются, поскольку от их реализации зависит судьба не только требования, выступающего предметом цессии, но и всего договорного отношения в целом. К числу таких прав относятся, в частности, право на оспаривание договора... С их реализацией прекращается договорное отношение в целом, причем иногда с возникновением для контрагентов обязательств вернуть друг другу полученное по договору» [\[14, С. 171\]](#). Поддерживая взгляд Л.А. Новоселовой о возможности разрешения указанной трудности за счет введения правила о необходимости получения согласия цессионария на оспаривание сделки, А.В. Вошатко уточняет, однако, что в отечественном праве такая возможность может обосновываться через применение по аналогии п.2 ст.430 ГК РФ, а также ст.10 ГК РФ.

Иную позицию занимает А.А. Ягельницкий, отмечая, что право на оспаривание переходит вместе с передачей стороной своих прав и обязанностей по договору, при этом «возникающие проблемы с последствиями оспаривания решаются исходя из обстоятельств дела». При решении вопроса о том, кому – цеденту или цессионарию – переходит право на оспаривание, по мнению указанного автора, следует руководствоваться характером порока в самой спорной сделке. Так, право на оспаривание переходит к цессионарию в случае, «когда экономический эффект неэквивалентности предоставления по оспоримой сделке падает на цессионария, в частности, когда порок воли изначально управомоченного на оспаривание касался предоставления, право требовать которое уступлено». Право на оспаривание не переходит к цессионарию, если «порок воли относился к предоставлению другой стороны по оспоримой сделке, вследствие чего, несмотря на уступку права, экономический эффект неэквивалентности предоставлений по оспоримой сделке остается на цеденте» [\[12, С. 245\]](#).

Думается, однако, что при решении вопроса о принадлежности права на оспаривание при перемене лиц в обязательстве должен учитываться характер обязательственной связи сторон первоначальной сделки до перемены лиц. Понимание обязательства как простой правовой связи [\[15, С. 4\]](#) (ст.307 ГК РФ) дает основание для вывода о «расщеплении» фигуры одного субъекта двусторонне-обязывающего договора и на должника, и на кредитора. В такой ситуации правовая связь сторон договора будет характеризоваться наличием у его сторон и (или) только у одной стороны нескольких субъектов с разными обязательственными функциями. Данное обстоятельство предполагает невозможность в двусторонне-обязывающем договоре наделения правом на его оспаривание и применение последствий недействительности сделки только цедента либо только цессионария в силу возможной заинтересованности каждого из них

в удовлетворении указанных притязаний. Как цедент, так и цессионарий выступают его стороной, а значит, может быть квалифицирован и как сторона недействительной сделки в смысле ст.166 ГК РФ. То же можно отметить и применительно к ситуации перевода долга в отношении прежнего и нового должников.

Для внесения ясности в порядок защиты указанными лицами своих прав, Верховному Суду РФ следовало бы отдельно предусмотреть отмеченную возможность заявления ими требований о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности в случае нарушения недействительной сделкой их прав и охраняемых законом интересов. Данное правило могло бы быть включено в Постановление Пленума ВС РФ №25 и выглядеть следующим образом:

78.1. Согласно абз.1 п.2, абз.1 п.3 ст.166 ГК РФ требование о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности может быть предъявлено сторонами сделки (они же стороны обязательства, возникающего из сделки). По смыслу приведенных правовых норм сторонами сделки, имеющими право требовать признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, также могут быть цедент (цеденты), уступивший (уступившие) свое право требования новому кредитору, цессионарий (цессионарии), прежний должник (прежние должники), новый должник (новые должники) по обязательству, возникшему из такой сделки при условии нарушения ею их прав и охраняемых законом интересов.

Таким образом, стороны недействительной сделки представляют собой непосредственных участников правоотношения по защите их прав и охраняемых законом интересов, наделенных правом на защиту посредством максимально полного, в сравнении с иными участниками недействительной сделки, набора способов защиты, не подлежащего передаче другим лицам, а также претерпевающих все материальные последствия при изменении юридической судьбы сделки.

Согласно п.2 ст.166 ГК РФ требование о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий недействительности может быть предъявлено не только сторонами сделки, но и иными лицами, указанными в законе. Круг таких иных лиц до настоящего времени комплексно не исследовался в литературе, что вряд ли следует оценить положительно с учетом значимости норм о недействительности сделок для всей системы гражданского права и защиты прав и охраняемых интересов его субъектов.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что круг иных лиц как субъектов правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки можно разделить на три группы в зависимости от степени влияния на них сделки с дефектом: 1) иные лица, непосредственно пострадавшие от неопределенности, созданной недействительной сделкой; 2) иные лица, опосредованно пострадавшие от неопределенности, созданной недействительной сделкой; 3) иные лица, для которых заявление указанных требований составляет условие надлежащего осуществления ими своих контрольных полномочий в определенной сфере их компетенции.

К иным лицам первой группы можно отнести, во-первых, общество, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, его участников (участника), обладающих не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества, уполномоченных на заявление соответствующих требований по основанию ст.173.1 ГК РФ в случае совершения крупной сделки с нарушением порядка получения согласия на ее совершение (ч.4 ст.46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Аналогичное правило содержится в ч.6 ст.79 ФЗ «Об акционерных обществах», закрепляющей право общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества или его акционеров (акционера), владеющих в совокупности не менее чем одним процентом голосующих акций общества, требовать признания сделки недействительной.

Во-вторых, правом на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности обладает унитарное предприятие, собственник имущества унитарного предприятия по основанию, предусмотренному ст.22 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» в случае, если сделка, в совершении которой имеется заинтересованность руководителя унитарного предприятия, была совершена с нарушением требований ст.22 данного федерального закона.

В целом наличие в нормативно-правовых актах норм об оспаривании сделок, совершенных юридическими лицами в отсутствие необходимого согласия их участников, органов, является традиционным. Подобные правила содержатся в ч.13 ст.9.2 ФЗ «О некоммерческих организациях», согласно которой крупная сделка, совершенная без предварительного согласия органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя бюджетного учреждения, может быть признана недействительной по иску бюджетного учреждения или его учредителя, если будет доказано, что другая сторона в сделке знала или должна была знать об отсутствии такого согласия. Аналогичное правовое регулирование установлено в ст.15 ФЗ «Об автономных учреждениях».

В-третьих, согласно ст.934 ГК РФ договор личного страхования в пользу лица, не являющегося застрахованным лицом, в том числе в пользу не являющегося застрахованным лицом страхователя, может быть заключен лишь с письменного согласия застрахованного лица. При отсутствии такого согласия договор может быть признан недействительным по иску застрахованного лица, а в случае смерти этого лица по иску его наследников.

В-четвертых, согласно абз.2 ч.2 ст.35 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана недействительной в связи с отсутствием согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. Для совершения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Супруг, чье нотариально удостоверенное согласие не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки (ч.3 ст.35 СК РФ).

Приведенные правовые нормы регламентируют отдельные случаи, когда необходимо согласие на совершение сделки. Общее же правило о необходимости получения согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления на совершение сделки, когда это требуется законом или иным правовым актом, установлено в ст.157.1 ГК РФ. Последствия нарушения данной обязанности определяются ст.173.1 ГК РФ, согласно которой отсутствие необходимого согласия на совершение сделки влечет ее оспоримость, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать

согласие, при отсутствии такого согласия. Правило ст.173.1 ГК РФ также выступает общим по отношению к нормам ст.ст.175, 176 ГК РФ.

Перечисленные лица, управомоченные на заявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности, выступают по терминологии ст.157.1 ГК РФ в большинстве случаев третьими лицами, согласие которых требуется при совершении сделки. Наделение таких третьих лиц подобным правом в литературе связывается с «наличием имущественного интереса, непосредственным влиянием сделки на права и обязанности третьего лица» [\[16\]](#). С указанными положениями трудно не согласиться. Супруги, участники юридического лица, застрахованное лицо как третьи лица в смысле ст.157.1 ГК РФ наделяются правом на оспаривание совершенной сделки и на применение последствий ее недействительности в силу того, что совершенная без их согласия сделка влечет изменения непосредственно в их собственной имущественной сфере, иногда совпадающей с имущественной сферой стороны сделки.

В ряде случаев на совершение сделки требуется согласие органов юридических лиц, опосредующее формирование воли самого юридического лица по непосредственному распоряжению собственным имуществом. Как было справедливо отмечено Л.К. Брезгулевской, согласие органа юридического лица является «актом корпоративного контроля, относящимся в механизме заключения сделки к числу ее внутренних элементов, так как одобряющий участвует в формировании волеизъявления стороны сделки» [\[17, С. 8\]](#).

Вторую группу иных лиц составляют лица, опосредованно пострадавшие от неопределенности из-за недействительной сделки. К ним, например, относится, во-первых, инвестиционный комитет инвестиционного товарищества (пп. 4 п.6 ст.9 ФЗ «Об инвестиционном товариществе»).

Во-вторых, правом на предъявление в суд в рамках процедуры банкротства требований о признании сделок должника недействительными и о применении последствий ее недействительности обладают представитель собрания (комитета) кредиторов или иного лица, уполномоченного решением собрания (комитета) кредиторов, в случае, если заявление об оспаривании сделки во исполнение решения собрания (комитета) кредиторов не будет подано арбитражным управляющим в течение установленного данным решением срока. В определенных случаях заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд конкурсным кредитором или уполномоченным органом (ч.2 ст.61.9).

В-третьих, правом на оспаривание завещания обладают лица, права или законные интересы которых нарушены этим завещанием (п.2 ст.1131 ГК РФ).

В-четвертых, согласно абз.2 ч.6 ст.45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» общество, член совета директоров (наблюдательного совета) общества, его участники (участник), обладающие не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества управомочены на заявление соответствующих требований по основанию п.2 ст.174 ГК РФ в случае, если сделка совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение. Аналогичное правило установлено и абз.2 ч.1 ст. 84 ФЗ «Об акционерных обществах».

В-пятых, согласно ст.684 ГК РФ, если наймодаатель отказался от продления договора в связи с решением не сдавать помещение внаем, но в течение года со дня истечения срока договора с нанимателем заключил договор найма жилого помещения с другим лицом, наниматель вправе требовать признания такого договора недействительным и (или) возмещения убытков, причиненных отказом возобновить с ним договор.

Как представляется, общим для всех указанных иных лиц второй группы, наделенных правом на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности, является предположение об опосредованном влиянии совершенной сделки на их права и (или) законные интересы. Выбытие имущества из конкурсной массы, из наследства, а также из имущественной сферы юридического лица, нанимателя, участника инвестиционного товарищества – все это потенциально способно оказать негативное влияние на имущественные интересы указанных иных лиц, создать неопределенность в реализации ими своих прав и законных интересов.

Третью группу иных лиц составляют лица, для которых заявление указанных требований составляет условие надлежащего осуществления ими своих контрольных полномочий в определенной сфере их компетенции. К иным лицам третьей группы следует отнести, во-первых, попечителя совершеннолетнего гражданина, ограниченного судом в дееспособности, который согласно ст.22 ФЗ «Об опеке и попечительстве», абз.3 п.1 ст.30 ГК РФ вправе требовать признания недействительными сделок, совершенных его подопечным без согласия попечителя, в соответствии со ст. 176 ГК РФ. Подобным правом обладают также законные представители несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет – родители, усыновители, попечители(ст.26 ГК РФ), при отсутствии согласия которых сделка может быть признана недействительной по основанию ст.175 ГК РФ.

Во-вторых, рядом федеральных законов установлена необходимость получения согласия (разрешения) государственных и муниципальных органов на совершение определенных сделок. Так, согласно ст.21 ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекун без предварительного разрешения органа опеки и попечительства не вправе совершать, а попечитель не вправе давать согласие на совершение сделок по сдаче имущества подопечного внаем, в аренду, в безвозмездное пользование или в залог и др. Согласие государственного – антимонопольного – органа требуется в силу положений ст.ст. 27-29 ФЗ «О защите конкуренции» при совершении сделок, касающихся создания и реорганизации коммерческих организаций, заключения соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами о совместной деятельности и проч.

В-третьих, правом на признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки обладают внешний и конкурсный управляющие, имеющие право на совершение сделок с имуществом должника (ст.ст.99, 129 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), действующие от его имени по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов, временная администрация финансовой организации (ч.3 ст. 61.9, пп.2 п.1 ст.183.7 закона).

Как следует из анализа законодательства, иные лица третьей группы не претерпевают негативных последствий от совершенной и (или) исполненной недействительной сделки в собственной имущественной сфере – необходимость контроля за определенными сделками лишь составляет обязанность указанных иных лиц. Так, в литературе справедливо отмечается, что необходимость получения согласия попечителя, законных представителей несовершеннолетнего связывается с тем, что такое лицо «обязано защищать в силу закона или договора» [\[18, С. 36\]](#) права и законные интересы своих

подопечных. В связи с этим нарушение сделкой с дефектом прав и охраняемых законом интересов таких иных лиц (абз.2 п.2 ст.166 ГК РФ) состоит в создании неопределенности в порядке осуществления ими своих контрольных полномочий в сфере их компетенции. Среди указанных контрольных полномочий возможно выделение как полномочий гражданско-правовой природы (например, контрольное полномочие попечителя), так и публично-правовой (контрольное полномочие органа государственной власти или органа местного самоуправления).

Предлагаемое деление иных лиц на три группы в зависимости от степени влияния на них сделки с дефектом актуально не только в отношении иных лиц как участников оспоримой сделки. Согласно п.3 ст.166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить, помимо стороны сделки, также и иное лицо, в предусмотренных законом случаях. Так, согласно ст.21.1 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» сделки по распоряжению недвижимым имуществом, а также договоры займа и кредитные договоры совершаются религиозной организацией с письменного согласия органа религиозной организации, уполномоченного уставом религиозной организации на письменное согласование таких сделок (уполномоченного органа религиозной организации). Сделка, совершенная без согласия уполномоченного органа религиозной организации, ничтожна. Требования о признании такой сделки недействительной и (или) о применении последствий ее недействительности могут предъявлять сторона сделки и (или) централизованная религиозная организация, в структуру которой входит религиозная организация, являющаяся стороной сделки.

Аналогичное правило содержится в ч.3 ст.18 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», согласно которой движимым и недвижимым имуществом государственное или муниципальное предприятие распоряжается только в пределах, не лишаящих его возможности осуществлять деятельность, цели, предмет, виды которой определены уставом такого предприятия. Сделки, совершенные государственным или муниципальным предприятием с нарушением этого требования, являются ничтожными. При этом в соответствии с ч.3 ст.20 закона собственник имущества унитарного предприятия вправе обращаться в суд с исками о признании оспоримой сделки с имуществом унитарного предприятия недействительной, а также с требованием о применении последствий недействительности ничтожной сделки в случаях, установленных ГК РФ и данным федеральным законом.

Представляется, что право как централизованной религиозной организации, так и собственника имущества унитарного предприятия на заявление о ничтожности сделки и о применении последствий ее недействительности так же, как и у иных лиц при оспоримости сделки, связано с непосредственным влиянием сделки на имущественную сферу указанных субъектов.

Формулировка «признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки» в настоящее время используется законодателем не только в отношении оспоримых, но и в отношении ничтожных сделок. Данное обстоятельство дает основание утверждать о том, что в круг иных лиц, уполномоченных на применение последствий ничтожной сделки, входят также и лица, имеющие право на заявление требований о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности оспоримых сделок. Имеются в виду лица, уполномоченные на заявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности в связи с неполучением их согласия на совершение сделки, а также в связи угрозой их имущественному положению, возникшей в результате

совершения сделки.

К числу лиц, уполномоченных на заявление требования о применении последствий ничтожной сделки, в связи угрозой их имущественному положению можно отнести и лиц, для защиты прав которых гражданским законодательством не установлен иной способ защиты и которая возможна лишь путем применения последствий недействительности сделки (п.78 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 №25). Данный пункт Постановления Пленума представляет собой пример выхода высшей судебной инстанции за пределы установленных полномочий, поскольку расширяет законодательно установленный круг лиц, наделенных правом на применение последствий ничтожной сделки. Эта правовая позиция была сформулирована Верховным Судом РФ, вероятно, при отсутствии глубокой теоретической проработки, однако в целом может быть оценена положительно. Она имеет важное практическое значение, расширяет возможности правоприменительного органа в вопросах защиты прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, а следовательно, нуждается в закреплении в ст.166 ГК РФ.

Можно заключить, что иные лица как участники недействительной сделки представляют собой субъектов гражданского права, приобретающих право на признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности при совершении и (или) исполнении сделки в связи непосредственным или опосредованным негативным влиянием сделки на их имущественные сферы (иные лица первой и второй групп), а также в связи с нарушением такой сделкой порядка осуществления ими своих контрольных полномочий в определенной сфере их компетенции (иные лица третьей группы). Как следует из анализа абз.1 п.2 и абз.1 п.3 ст.166 ГК РФ, иные лица, как и стороны, представляют собой носителей материально-правового интереса в признании сделки недействительной и в применении последствий ее недействительности. Стороны, а также иные лица в равной степени предполагаются заинтересованными в последствиях разрешения дела о недействительности сделки, чем и объясняется законодательное наделение их правом на ее оспаривание и применение последствий ее недействительности. Изложенное позволяет исключить из круга указанных иных лиц тех субъектов, которые в гражданском и арбитражном судопроизводстве наделены правом на заявление соответствующих требований в интересах других лиц.

Наряду со сторонами недействительной сделки и иными лицами (абз.1 п.2 и абз.1 п.3 ст.166 ГК РФ) законом предусмотрена еще одна группа участников недействительной сделки – третьи лица, которые не наделены правом на самостоятельное заявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности. Так, согласно ст.166 ГК РФ в случае, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы таких третьих лиц.

Анализ понятия третьего лица в отечественной литературе по гражданскому праву осуществляется в основном в обязательственном праве. Так, М.И. Брагинский указывал на существование в динамике обязательственного правоотношения трех групп субъектов: сторон, других лиц (в терминологии автора – посторонних лиц) и третьих лиц, при этом «другие лица» в концепции автора представляют собой любых участников гражданского оборота, которые не являются стороной исходного обязательства. Третьи лица, по мнению М.И. Брагинского, не являясь стороной исходного обязательства, всегда юридически связаны с одной из его сторон [\[19-21\]](#). Иную позицию занимает А.Ю.

Чурилов, полагающий, что «только интерес участников гражданского оборота способен обособить одних участников в качестве должника и кредитора обязательства, а других – в качестве третьих лиц по отношению к динамике этого обязательства» [2, с. 16]. Рассматривая вопрос о соотношении третьих лиц и иных лиц, А.Ю. Чурилов отмечает, что стороны обязательства выступают связующим звеном для всех «других лиц», которые с большой степенью вероятности могут оказать влияние на динамику такого обязательства при наличии у них интереса. Такие лица формируют пространство потенциальных «третьих лиц» в пространстве «других лиц», а по отношению к пространству потенциальных третьих лиц все остальные «другие лица» попадают в пространство неопределенного круга лиц (иных лиц) [2].

Однако данной логикой рассуждений невозможно руководствоваться при анализе норм о недействительности сделок, что связано с прямым законодательным разграничением в них иных лиц и третьих лиц как двух самостоятельных и независимых друг от друга групп участников недействительной сделки. Как следует из ст.166 ГК РФ, иные лица как субъекты права на признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности представляют собой круг конкретных обозначенных законом лиц (юридическое лицо, его участники, супруг и т.д.). Третьи лица, в свою очередь, согласно ст.166 ГК РФ, не имеют подобных прав, никак не выделены законом и определяются ситуативно: в зависимости от нарушения сделкой их прав и охраняемых законом интересов для их защиты могут действовать другие субъекты, заявляя требования о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности.

Обращение в суд с требованием о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности в интересах третьих лиц опосредуется гражданско-процессуальным институтом процессуальных истцов – таких участников гражданского судопроизводства, которые хотя и не являются субъектами спорного материального правоотношения, т.е. не обладают и не предполагаются обладающими спорным правом или интересом, но в связи с прямым указанием закона имеют право от своего имени требовать от суда защиты чужого права или интереса, т.е. прав или законных интересов субъектов спорных материальных правоотношений.

Действующим процессуальным законодательством установлено право прокурора (ст.45 ГПК РФ, ст.52 АПК РФ), органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан (ст.46 ГПК РФ, ст.53 АПК РФ) обращаться в суд с заявлением о защите прав, свобод и интересов граждан, неопределенного круга лиц. Законодательством предусмотрена возможность оспаривания сделок и другими государственными органами: Банком России (ст. 11.3, 18, ч.7 ст.37 ФЗ «О банках и банковской деятельности»), налоговыми органами (ч.11 ст.7 Закона РФ «О налоговых органах в Российской Федерации»), антимонопольными органами (п. 6 ч.6 ст.23, ч. 2, 4, 5 ст.34 ФЗ «О защите конкуренции») и т.д.

Не будучи поименованными законом (подобно иным лицам), персонализированным (подобно сторонам сделки), третьи лица представляют собой таких участников недействительной сделки, которые не наделяются правом самостоятельного заявления требований о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности сделки, однако также могут подвергаться ее негативному воздействию в виде создания ею правовой неопределенности в их имущественной сфере. В этой связи в интересах их защиты могут действовать специально уполномоченные лица (прокурор, органы государственной власти и местного

самоуправления и проч.) в порядке, установленном процессуальным законодательством.

Анализ гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что иные и третьи лица представляют собой самостоятельные группы участников недействительной сделки, различающиеся по степени «удаленности» от такой сделки. Иные лица прочно связаны с недействительной сделкой, что объясняется ее непосредственным или опосредованным влиянием на их имущественные сферы (иные лица первой и второй групп), а также на порядок осуществления контрольных полномочий (иные лица третьей группы). Именно данное обстоятельство предопределяет наделение их правом на самостоятельную защиту. В свою очередь, связь третьих лиц с недействительной сделкой слабее: на момент ее совершения и (или) исполнения круг таких субъектов заранее не известен и его определение зависит от ситуативного нарушения сделкой их прав и охраняемых законом интересов, которое необходимо отдельно установить в силу прямого указания закона. При этом наделение указанных субъектов правом требовать признания сделки недействительной и применения ее последствий как реализуемого ими самими (иные лица), так и посредством участия определенных процессуальным законодательством субъектов (третьи лица) объясняется определенными основаниями, лежащими в плоскости политики права.

Представленное деление иных лиц на три группы в зависимости от степени влияния на них сделки с дефектом, а также отграничение иных лиц от третьих лиц имеет важное значение как с точки зрения доктрины гражданского права, так и с точки зрения правоприменения. С позиции цивилистической теории классификация субъектов права на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности вносит ясность в круг таких лиц и в степень их зависимости от недействительной сделки. Практическим последствием такого деления иных лиц и их разграничения с третьими лицами выступает возможность четкого определения того, в чем должно заключаться нарушение их прав и законных интересов при обращении в суд ими самостоятельно (иных лиц) либо в их интересах (третьих лиц) с требованиями о признании сделки недействительной и о применении последствий их недействительности.

По смыслу положений ст. ст.1, 10, 166 ГК РФ, к поведению иных и третьих лиц предъявляется требование добросовестности. Следует заметить, однако, что в отличие от сторон недействительной сделки, иные и третьи лица не уполномочены ни на подтверждение оспариваемой сделки, ни на конвалидацию ничтожной по правилам п.5 ст.166 ГК РФ, так как не участвовали в возникновении такой сделки и не являются носителями прав и обязанностей, ею порожденных.

Наделение правом на оспаривание сделки иных и третьих лиц, как представляется, является полностью оправданным. Стороны недействительной сделки не являются изолированными от иных субъектов гражданского права участниками общественных отношений. Совершаемые ими сделки могут затронуть имущественные сферы, права и охраняемые законом интересы других субъектов гражданского права, которые в этой связи, равно как и стороны, заинтересованы в нивелировании недействительной сделки и ее последствий.

Представляется возможным указать еще на одно обстоятельство. Совершение и (или) исполнение недействительной сделки может рассматриваться как одна из форм недобросовестного поведения лица, знавшего о пороках в сделке, но все же решившегося на ее совершение, которое может быть квалифицировано как злоупотребление правом (п.п. 1, 4 ст.10 ГК РФ) и допускать возможность возмещения убытков при их причинении. В условиях подобной трактовки не ясна причина,

побудившая законодателя предусмотреть возможность взыскания убытков по недействительной сделке исключительно в пользу потерпевшей ее стороны. Многогранность гражданско-правовых отношений и спорных юридических ситуаций не исключают возможности возникновения у иных и третьих лиц как участников недействительной сделки убытков от ее совершения и (исполнения), что следует закрепить в ст.167 ГК РФ:

1.1. Добросовестные третьи и иные лица имеют право требовать возмещения убытков сторонами недействительной сделки в случае, если стороны при совершении и (или) исполнении сделки действовали недобросовестно, в частности, знали или должны были знать о нарушении ею прав и охраняемых законом интересов таких лиц.

Библиография

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юриздат, 1950. 366 с.
2. Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017. 204 с.
3. Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение // Налоги. 2009. №27 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Керимова М.А. Уступка права требования в гражданском законодательстве России : дис.... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 172 с.
5. Почуйкин В.В. Основные проблемы уступки права требования в современном гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 188 с.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 №54 «О некоторых вопросах применения главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюридлит, 1962. 160 с.
8. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. 958 с.
9. Смирнов С.А. Оспаривание сделок наследодателя: вопросы теории и практики // Нотариус. 2016. №2 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Ягельницкий А.А. Наследственное преемство в праве на оспаривание сделки // Вестник гражданского права. 2010. №5. С. 76-106.
11. Практика применения ГК РФ, частей второй и третьей / Под общ. ред. В.А. Белова.- 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Юрайт»; «Юрайт-Издат», 2011 (автор ответов – Белов В.А.) // СПС «Гарант».
12. Ягельницкий А.А. Право на оспаривание // Сделки, представительство, исковая давность: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. – М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 159-245.
13. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требований) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Вошатко А.В. Договор уступки требования : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2009. 243 с.
15. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Прекращение обязательства по российскому гражданскому праву: теоретический очерк. М.: Юстицинформ, 2014. 141 с.

16. Демкина А. При наличии отсутствия // ЭЖ-Юрист. 2013. №21 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Брезгулевская Л.К. Гражданско-правовое регулирование согласия лица на совершение сделки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016. 19 с.
18. Дятлов Е.В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 154 с.
19. Брагинский М.И. Влияние других (третьих) лиц на социалистические правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1962. 36 с.
20. Мильков М.А. Обязательства с участием третьих лиц в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 179 с.
21. Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 169 с